
А. В. ШИПИЛОВ

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Онтология занята решением проблемы – что есть реальность и как она есть то, что она есть. Это самая сложная из всех проблем, встающих перед человеческим сознанием, ибо речь здесь идет о самых простых проблемах – вещах и их отношениях. Тожество и различие – вот те исходные компоненты, из которых автор попытался создать нечто вроде мини-системы, условно обозначаемой словосочетанием «диалектический реализм»: рассуждение о диалектике вещей/реалий, своего рода вариация на темы платоновского «Парменида»; этот небольшой онтологический этюд и предлагается вниманию читателя.

Принципы онтологической организации

Что необходимо любой вещи, чтобы быть собой? Ей нужно отличаться от другой, иной вещи: первая вещь как одно будет отличаться от второй вещи как иного. Иначе у нас не будет ни второй, ни первой: вещь, которую нельзя ни от чего отличить, не существует вовсе. Итак, вещи, чтобы быть собой, необходимо не быть другой, а быть не-другой, и наоборот: одно – это не-иное, иное – это не-одно. Вещи отрицают друг друга, полагая себя, и полагают друг друга, отрицая себя, и это взаимное полагание/отрицание позволяет им и быть, и быть собой.

Но всякая оппозиция должна иметь свои пределы, свои начало и конец – иначе будет просто непонятно, о каких вещах идет речь. Так где же начало и конец этого противопоставления? Очевидно, там, где его нет: еще нет – в начале, и уже нет – в конце. А так как оппозиция одного и иного начинается с одного и заканчивается иным, то ее началом будет одно без иного, а концом – иное без одного. Чистое одно, одно без иного, мы можем охарактеризовать как единое: действительно, то, что ни от чего не отличается, ни от чего не будет и отделяться, а будет единым с последним. Чистое иное, иное без одного, мы можем охарактеризовать как целое: то, что

отличается от всего, не является ничем из последнего, хотя и необходимо его предполагает, содержит в своем отличии; так целое содержит в себе все свои части, не являясь ни одной из них, ни всеми ими, вместе взятыми. Соответственно мы получаем структуру Единое – Одно-Иное – Целое, или, если использовать не качественные (структурно-функциональные), а субстанциональные характеристики, Ничто – Нечто – Все.

Кроме того, для того, чтобы обеспечить самоидентичность самой структуре в целом, мы вводим понятие самости, обозначив ее как X. X представляется нам чистой необходимостью самого себя; X есть «X есть» – и ничего больше. X – он сам самого себя, своя собственная самость, поэтому об X возможно лишь тавтологическое высказывание. Самость, тождество как чистое то-ж-дество выразимо лишь только через повторение одного и того же, где определение есть лишь дублет определяемого. И именно в этом качестве X об-основывает всю нашу схему, представляя как некая точка самообеспечения и позволяя всему быть тем, что оно есть.

Реальность организована отношением: все, что дано, есть либо то, что относится, либо то, к чему относится последнее. Отношение предполагает субъект и объект, относимое (реляционное) и относящее (арреляционное), при этом возможна и более сложная ситуация – ситуация амбинарного отношения (от лат. *ambi* – кругом, с обеих сторон). Она возникает тогда, когда относящееся относится к относящему в одном, то есть своем отношении, а относящее в тот же момент выступает как относящееся к относимому, но уже в ином, а именно – своем, отношении. Проще говоря, это ситуация взаимоотношения; такое со-отношение мы обозначим как «корреляцию», а объекты, находящиеся в подобной связи, – как «корреляты».

Максимум отнесения относимого есть его предел. В отношении к иному одно обретает границу самого себя; о-пределивание – основа определения. Ничто становится нечто в пределе отношения к иному, и иное и есть этот предел – предел одного. Мы имеем вещь как Нечто определенное только в случае отнесения ее к чему-то еще. Отсюда ясно, что в отношении получает предел лишь то, что относится, но отнюдь не то, к чему относится последнее; будучи пределом субъекта отношения, объект отношения необходимо выступает как бес-предельное.

Любая вещь, и вещьность как таковая, имеет свое начало и свой конец в качестве собственных пределов. Любое начало безначально, любой конец бесконечен. Действительно, начало вещи, имеющее собственное начало, перестает быть началом вещи, само становясь вещью; конец вещи, имея он свой собственный конец, не был бы концом вещи, а был бы вещью сам. Ведь начало вещи – это вещь же, но взятая как начало самой себя, равно как и конец вещи – это не что иное, как вещь, взятая как свой собственный конец. Соответственно вещь, берущаяся как свое собственное начало и конец, безначальна и бесконечна; она не определена, ибо сама порождает свои пределы.

Вещь и/или реальность как Единое порождает свои пределы как Одно и Иное; как Целое, она сводится из них. Взятая со стороны своего начала как Единое, со стороны конца – как Целое, вещь/реальность разделяется в себе на Одно и Иное, причем Одно будет вещь как Единое, Иное – вещь как Целое. В первом случае беспредельная вещь как субъект порождает свои пределы как предикаты, во втором – предикаты в виде неопределенных пределов о-пределяют субъект своим отнесением, структурируя его как целое их как частей и тем самым подвергаясь холизации с его стороны. То есть вещь как единое делится на одно и иное – свое одно и свое иное, в себе же как целом; порождая свое начало и свой конец из себя, вещь сводит себя как результат корреляции себя-начала и себя-конца, производя это в себе же. Вещь берется как одно к себе же как к иному, представая как одно иного и иное одного.

Вещь и вещьность

Если мы берем вещь, мы берем ее как вещь среди вещей, как вещь вещьную, то есть реальную. Реальность суть абстрагированное качественное вещей, их вещьность, взятая сама по себе как субстанция или субъект; как и всякая абстракция, она придает вещам смысл, в то время как они дают ей жизнь. В свою очередь, вещи становятся реальными благодаря этой вещьности как таковой: мы имеем реальность и вещь, как интеграл и дифференциал, вещьную вещь и вещественную вещьность. Реальность определяет вещь как предел, будучи порождена вещью как беспредельным, и получает предел собственной беспредельности от определенной вещи. Сопоставляя вещи друг с другом, мы приходим к пределам их реаль-

ности. Две вещи, взятые как одно и иное, происходят из логически предшествующей им обеим и входят в качестве частей целого в ту вещь, что им последует. Мы берем вещь (то есть берем ее как одну – к иной), и эта вещь предстает перед нами как единое для последующей и как целое для предшествующей. И каждая вещь будет целостной по отношению к предшествующей и унитивной (от лат. *unus (uni)* – один) по отношению к последующей.

Наша онтологическая организация строится на двух принципах: принципе оппозиции и принципе иерархии. Графически это можно изобразить в виде креста или ромба, где в противоположных вершинах попарно размещаются одно и иное, единое и целое. Увеличение расстояния между двумя противоположными вершинами автоматически увеличивает расстояние между двумя другими; иначе говоря, степень противопоставления прямо пропорциональна степени подчинения. Поэтому, максимизируя размер оппонирующих сущностей (то есть вещей), мы последовательно наращиваем иерархию полярностей и пирамиду оппозиций. Беря вещь за вещь для их определения, мы все время отодвигаем пределы в беспредельное, идя в обе стороны сразу. Если мы хотим обрести пределы вещи, нам нужно определить всю реальность – то есть совокупность всех вещей, какие только есть вообще. Так вот, нижней границей вещности будет вещь, из которой происходят все остальные вещи, а верхней – такая вещь, которая вмещает в себя все остальные вещи. И это удивительные вещи: дело в том, что первая вещь производит из себя все остальные – и соответственно сама не произведена; последняя же вещь, включающая в себя все остальные, сама никуда не включена, ибо включиться ей уже некуда. Вещь должна быть определена, то есть иметь пределы; но эти вещи не имеют пределов, так как сами суть пределы для всех остальных вещей. Поэтому-то вещь первая и вещь последняя, будучи пределами всех вещей, границами всей реальности, теряют свой вещный характер, развеществляются и дереализуются: они невещественны, и только это и позволяет веществовать всем прочим.

Нереальные пределы реальности – это не что иное, как реальность, ушедшая в свое иное для того, чтобы определиться самой как одно. Вещь отличается от невещественного, и только это отличие и делает ее вещью; так и вся вещность вообще, то есть реаль-

ность, нуждается в невещественном, то есть нереальном. Причем нереальность эта двух видов: та, что до реальности, производит реальность из себя, а та, что после, заключает ее в себе. Таким образом, нижний предел реальности, как и любой вещи вообще, будет той же самой реальностью, только не отличимой от нее самой, то есть чистой имманенцией вещи. А верхний ее предел, единственное свойство которого в том, что он бесконечно отличен от реальности, будет чистой трансценденцией вещи и вещиности.

Итак, вещь, равно как и реальность, производит из себя свои нереальные (то есть не вещественные, не вещные, а иные, не являющиеся вещами) пределы из себя как единое и сводит их в себе как в целом, будучи таковым в качестве результата их взаимоотношения. Так обстоит дело в том случае, если мы берем вещь изолированно; если же в качестве нижнего и верхнего пределов вещи мы берем другие вещи, противопоставляя вещь к вещи же, то приписывание вещам, берущимся как пределы, функций единства и целостности обращает их в ничто и все, каковыми они и являются для вещи, берущейся как одно к иному (иной). Соответственно унитивность и пантивность (от греч. *pan* – все), унитивизм и пантивизм будут характеристиками вещей, берущихся в качестве пределов некой вещи.

Но предметом онтологии являются не вещи, функционирующие в качестве пределов других вещей, а сами эти необходимо невещественные пределы вещи. Что можно сказать об этих пределах? Началом вещи является ее бытие; бытие вещи – это вещь, взятая как начало самой себя. Действительно, прежде, чем быть чем-то, вещь должна просто быть – данность вещи предшествует ее взятости. С другой стороны, конец вещи – то есть вещь, взятую как конец самой себя, мы обозначаем как сущее. Ведь для того чтобы быть собой, вещи мало просто быть – ей нужно быть чем-то, что-то из себя представлять; и как раз эта чтойность вещи, то, чем она отличается от прочих вещей, и есть сущее.

Бытие вещи (то есть вещь как бытие) порождает, а сущее вещи (то есть вещь как сущее) определяет вещь (как вещь). Вещь бытийствует как бытие, существует как сущее и веществу как вещь (целое). Просто быть – для вещи означает быть единым, неотличным ни от чего; поэтому бытие унитивно и имманентно. Бытие

стремится вовне, так как ничтожность его природы придает ему характер отрицания. Бытие экстраинтенционально – оно стремится к сущему, стать бытием сущего. Бытие порождает, генерирует из себя, и поэтому в вещи оно всегда овнешняется, причем внешность дает бытию именно сущее. Сущее, наоборот, всегда стремится в себя. Его всеинность приводит к тому, что вокруг, вне его ничего нет, а все содержится в нем самом, включая и его. Сущее интроинтенционально – оно стремится к бытию, чтобы стать сущим бытия, обрести бытийствование; но так как все находится в нем, то и бытие ему приходится искать внутри себя. Сущее всегда направлено в себя, так как только в себе оно становится сущим вещи.

Вещь бытийствующая представляет собой нечто одно без иного, то есть единое. Действительно: если речь идет о вещи, которая только производит свое бывание, которая есть лишь простая данность, то соответственно ничего не говорится о том, что собой представляет эта вещь, что она есть по сравнению с другими. Поэтому такая вещь, собственно, не вещь, а лишь бытие вещи, причем такая вещь-бытие ни от чего не отличима. Вещь существующая, или сущее вещи, напротив, представляет собой нечто иное без одного. Действительно: здесь вся проблема в том, что собой представляет эта вещь, каковы ее отличия от иных вещей. И если бытие (вещь-бытие) вещи не есть ничто, кроме самого себя, то сущее вещи (вещь-сущее) есть все, кроме самого себя; первое ни от чего не отличимо и поэтому суть ничто, единое, а второе есть само по себе отличие от всего, и потому бесконечно и для всего целое. И только вещь бытийствующая и существующая снимает эти крайности, о-граничивая бытие сущим, а сущее – бытием: такая вещь не только есть, но и есть что-то отличное от других, и не только то, что отлично от всего остального, но и то, что есть само по себе, как таковое.

Раз бытие есть порождающее начало, а сущее – определяющий конец, то первому надо приписать изменение, а второму – неизменность. Действительно, то, что всегда порождает и есть это порождение вообще, должно непрерывно изменяться и, более того, быть изменением самим по себе, чистым изменением. Если бытие прекратит изменяться хоть на мгновение, то оно в тот же миг станет чем-то определенным, отличающимся от другого – то есть пре-

кратит быть собой. С другой стороны, сущее, функция которого в том, чтобы быть от всего отличным, не может изменяться, ибо в тот же момент, как оно изменится, оно прекратит быть собой. Таким образом, чистое бытие выступает как чистое изменение, а чистое сущее – как чистое неизменное инаковение. В вещи же бытийствующей и существующей сочетается неизменная изменчивость бытия и изменяющаяся неизменность сущего – вещи таковы, что остаются собой лишь в изменении, а меняются, лишь будучи собой. Так обстоит дело с вещью, тождественной реальности, и с реальностью, тождественной вещи. Если же мы берем вещь встроеной в универсум реальности, вещь среди вещей, то опять же вещь, предшествующая данной, будет более бытийной, а вещь последующая – более сущной, в силу своей большей близости к чистому бытию и чистому сущему; наша вещь будет отличаться от иной, происходить из предшествующей и включаться в последующую – иначе говоря, она будет бытийствовать экстра-, существовать интро- и веществовать интеринтенционально. Чтобы определиться с этим онтологическим следованием, нам необходимо разобраться уже не с бытием и сущим вещи, а с тем, какой предстает вещь в своем существовании и бытийствовании, а также с тем, каким образом вещь становится собой. Если мы возьмем вещь как нечто вполне определенное и ясное нам без всякого анализа, если нам интуитивно понятна ее чуждость, то наше внимание направляется на то, каким образом эта вещь может быть, и что означает для нее это «быть». Здесь важно не столько то, что есть вещь, сколько то, что вещь есть. Но если она есть, то как она может быть? Если вещь только может быть, то она еще не есть; но если вещь есть, то она никак уже не может быть. Ведь вещь, которая только может быть собой, вовсе не есть – не есть вещь. А вещь, которая есть она сама и ничто иное, не может быть вещью – ибо она уже есть вещь. «Может быть» и «есть», таким образом, выступают как пределы бывания вещи – бывания ее самой собой.

Отправляясь от этих пределов, порожденных вещью как неопределенной, мы теперь определяем вещь как их целое, каковое выступает из их взаимопредикации. Вещь в этом качестве является возможностью своего «есть» и действительностью своего «может быть». Вещь в пределе своей возможности выступает как потенци-

альная вещь, а вещь в пределе своей действительности выступает как актуальная вещь. Становление же вещи суть актуальная возможность и возможная актуальность бытия собой. В становлении вещь предстает как становящаяся; но какой предстает она в своем потенциальном и актуальном бытии, чем является эта актуальная и потенциальная вещь?

Для этого нам нужно подойти к вещи с другой стороны, а именно со стороны сущего – сущего бытия. В этом случае нам ясно, как бывает вещь, но неясно, чем она является в разновидностях своего бывания. Здесь сущее есть проблема, разрешаемая в пределе бытия. Иначе говоря, сущее предидируется к бытию как к субъекту и обретает в нем определенность за счет его неопределяемости в данном отношении. Мы знаем, как есть вещь, но нам не ясно, что она есть. Нам не ясно, чем она является, но ее явленность безусловна. Как-то она есть и, более того, она есть вполне определенно; но что есть она как-то, что есть определенно – это вопрос. То, что может быть вещью – в качестве нижнего ее предела, видимо, еще не есть вещь. То, что есть вещь до такой степени, что она уже никак не может быть чем-то иным (в том числе и собой), очевидно, тоже не вещь – уже не вещь. Вещь в минимуме не будет вещью как таковой, а только минимумом вещи; вещь в максимуме тоже не есть вещь как таковая, а суть лишь абсолютный максимум вещи. Но если мы оставим от вещи только ее пределы, то вещь тоже исчезнет; значит, нам нужна промежуточная реальность, то есть вещьность вещи как таковой меж предельностью ее пределов: вещь окажется минимумом по отношению к себе как максимуму и максимумом по отношению к себе как к минимуму.

Мы обозначаем вещь в своем минимуме как материю вещи, вещь в максимуме – как идею вещи. Структурное рассмотрение бытия сущего дало нам потенцию, становление и актуальность; такой же анализ сущего бытия дал материю, вещь и идею. Вещь (целое) представляет собой идеализацию материи и материализацию идеи, причем и материя, и идея суть порождения ее же как единого. В вещи материя получает от идеи свою форму, идея же во-площается в материи. Материя стремится из себя во вне – то есть в вещь; идея стремится во внутрь себя – то есть опять-таки в вещь. Интенция первой имеет приставку «экстра-», интенция вто-

рой – приставку «интро-» (от лат. extra – вне; intro – внутрь); вещь же дана между ними как пределами, поэтому и вещная интенция обозначается через «интер-» (от лат. inter – между).

Мы разобрали вопрос в приложении к вещи/вещности как таковой; теперь посмотрим, как становится собой вещь среди вещей. Когда мы говорим, что одна вещь изменилась, стала другой, то подразумеваем примерно следующее: то, чем была вещь до изменения, а она была единым – по отношению к той разнице, которая возникла в ходе ее изменения, между той, которой она была, и той, которой она стала, – так вот, это единое породило из себя вещь прежнюю и вещь новую как одно и иное. При этом изменение стало инаковеть, различаясь в неизменности: ведь единым для вещи той и вещи другой было именно изменение одной в другую, взятое как таковое. Ведь если мы берем вещь ту, что она была, и вещь ту, какой она стала, мы берем не одну вещь, а две, и берем их в инаковении – то есть как одну к иной, в их неизменной и четкой чтойности. Поэтому единым оказывается для той и другой только само чистое изменение, взятое как предел их неизменного инаковения. Так что с этой стороны изменчивость обернулась инаковением, и вещь, до изменения не бывшая ни той, что она была, ни той, что она стала (ведь эта разница возникла только в процессе изменения), а представлявшая собой ничто/единое по отношению к ним как к нечто (одно и иное) – то есть чистое бытие как непрерывное изменение, – показала себя как сущее бытия, инаковение изменения.

И наоборот: если мы говорим, что какая-то вещь неизменна, то мы, очевидно, имеем в виду, что она противоположна в этом отношении иной, которая как раз и изменилась. Эти вещи, получается, были частями некоего целого, раз мы связываем их сравнением. Это целое, являющееся не чем иным, как их инаковением, инаковостью как таковой, по логике должно быть абсолютно статично – ибо эта разница, четкая граница между вещами никак не должна изменяться, а должна всегда оставаться неизменной, иначе вещи перестанут различаться – то есть сольются в единое. Но, раз одна вещь неизменна, значит, другая изменилась, а значит, изменилось и их неизменяемое, то есть сущно-идеальное – инаковение/целое. И если вещь непрерывно неизменна, если она в перманентном покое и статике, то это значит, что идея (а эта идея больше вещи, так как, кро-

ме чисто актуального облика вещи, содержит в себе еще и отличие этой идеи от иной) непрерывно изменяется. Иными словами, здесь вещь выступает в облике бытия сущего, изменяющегося инаковення. При этом если единое предстает как изменение, инаковенное из себя, то целое суть инаковение, изменяющееся в себе.

Наша позиция обретет большую конкретность, если мы рассмотрим, как и в чем совершается любое движение вообще. Если мы говорим, что вещь движется, значит, тем самым мы предполагаем наличие вещи, отличающейся от данной, а так как она есть вещь движущаяся, то вещь иная соответственно будет вещью покоящейся. Движение, таким образом, взятое как одно, требует покоя как иного; движение и покой со-относительны, коррелятивны.

Движение осуществляется в пространстве и времени. Взятые в чистом виде, вне корреляции, пространство и время дадут нам сущее и бытие вещи. Действительно, что будет представлять из себя реальное пространство, пространство вещиности, если взять его полностью очищенным от времени? В таком пространстве вещи будут даны все и сразу, во всех мыслимых положениях, сочетаниях и состояниях, пронизывая друг друга насквозь и в то же время ни с чем не сливаясь. Иначе говоря, пространство без времени – это не что иное, как сущее, идеальный мир Все. Если же мы, наоборот, возьмем чистое время, время, абсолютно свободное от пространства, то получим поток, которым ничего не течет, чистое изменение ничего – то есть Единое Ничто во всей своей материальной бытийности. Но реальное пространство и реальное время представлены взаимопредикативно, как время пространства и пространство времени; при этом если покоящееся пространство и движущееся время мы называем собственно пространством и временем, то пространство, которое движется, и время, которое покоится, мы называем соответственно бесконечностью и вечностью.

Вещь может двигаться как одно только в том случае, если она покоится как иное. Чтобы одно двинулось, другое должно покоиться, и если вещь движется, то есть изменяется во времени, она должна неизменно покоиться в пространстве. Иначе говоря, то, что движется во времени, – то покоится в пространстве; а вот то, что движется в пространстве, – то обязательно покоится во времени, так что пространственное изменение вещи происходит не во вре-

мени, а в вечности, равно как вещь, стабильно неизменная во времени, мыслима лишь в бесконечном пространственном изменении.

Бытийное, или материально-временное, становление вещи иной, и ее сущное, или идеально-пространственное, ставание собой, взятые с точки зрения движения и покоя, напоминают два поезда, следующие по параллельным путям, но в противоположные стороны, друг мимо друга. Если материально-временное изменение вещи направлено от прошлого к будущему, то, пользуясь той же системой координат, мы можем сказать, что идеально-пространственное ставание вещи самой собой ориентировано в противоположном направлении – от будущего к прошлому.

Говоря о движении времени, мы имеем в виду приблизительно следующее: если оно движется относительно настоящего (представляя собой по отношению к нему прошлое и будущее), то это настоящее должно покоиться, то есть быть иным к движущемуся как к одному. Иное же к времени есть вечность, и время движется здесь относительно вечности, которая выступает как чистое настоящее, вечно-мгновенное «есть», покой которого дает точку отсчета для движения времени. Но настоящее – не только образ вечности, оно еще и момент времени. Если мы действительно изыдем настоящее из времени, то оставшиеся от него прошлое и будущее коллапсируют, так как они отличаются не друг от друга, а от настоящего. Значит, настоящее должно не только покоиться, но и двигаться – относительно прошлого и будущего как вечно-неподвижных пределов своего движения. Иначе говоря, настоящее покоится как вечность и движется как время: взятое как покоящееся относительно движущегося времени, оно выступает в роли вечности, а взятое как движущееся относительно покоящейся вечности, оно суть время.

Временное изменение вещи познается нами в меру пространственного выражения этого изменения: если вещь никак не меняется в пространстве, она вечна. Чтобы пространство стало пространством тела, ему необходим предел; если же этого предела нет, то вместо предикатного пространства тела мы имеем беспредельно субъектную бесконечность. Если структурность пространства выражается предикатами – скажем, длиной, шириной, высотой – тела, то элементарная структура бесконечности неизбежно субъектна,

что и выражают собой концепты линии, плоскости, объема. Если мы возьмем эти ряды и попробуем отыскать пределы их минимума и максимума, то получим следующее. Начало должно быть безначально: на роль такого нижнего предела бесконечности мы возьмем точку. Она идеальна и никак не выражена пространственно – напротив, это безначальное начало бесконечности. Если мы эту точку – чистое ничто – возьмем как нечто, то у нас получится одно и иное: точка как единое породит из себя две точки. Точка как одно, взятая к иной точке, являет собой уже линию; точно так же линия к линии дает плоскость, плоскость к плоскости – объем, а объем к объему – идею вещи.

Методика категорирования

В философской традиции существует огромное количество разнообразных концептов/категорий, призванных выявить и оттенить те или иные грани реальности. Их взаимоотношения строятся в соответствии с определенной логикой, инвариантной в своей основе, но варьирующей в зависимости от используемых выразительных средств. В качестве одного из таких вариантов, эквивалентных прочим, выступает и используемая нами логическая схема.

Категории имеют бинарный, парный характер, и это не случайно, ибо они необходимо должны взаимно полагать и отрицать друг друга. Так, скажем, сущность всегда выступает в оппозиции к явлению; но при этом сущность является, а явление существует, иначе чистый ноумен и чистый феномен окажутся одинаково неопределенными в голой субъектности и пустой предикатности своей природы. Дело в том, что всякая монада предполагает собой диаду, а всякая диада испытывает нужду в триаде; любое дальнейшее умножение сущностей, в принципе, сводимо к этому основанию. Поэтому всякая категория имеет не только противолежащую ей, но и начало и конец для них обеих, причем в роли первого выступает она сама, а в роли второго – ее противоположность, но только взятые в абсолютной изоляции друг от друга.

К примеру, сущность как единое можно разложить на количество и качество как на одно и иное и свести в целое мерой, при том, что в роли единого сущего здесь выступит чистая качественность, а в роли целого, или меры, – чистая количественность. Действительно, качество предстает как некая неопределенная определенность,

количество – как неопределенная предельность. Сущность вещи, не определенная по качеству и количеству, сведется к ничто, а вот мера, как целостная сущность, соберет в себе все, так как она выступает количеством для качества и качеством для количества, включая их в себя по раздельности и превосходя их в совокупности. Также и явление может быть возможным либо необходимым, представляя ни тем и ни другим в качестве единого и тем и другим вместе как целое: случайность, которая есть не что иное, как чистая возможность без необходимости, будет этим единым, а закономерность, которая суть необходимость без возможности, тем не менее раскроется в качестве необходимой возможности и возможной необходимости.

Можно заниматься категориальным анализом и дальше: количество возможности назвать вероятностью, качество необходимости – данностью, меру случайности – как-нибудь еще и т. д. Но для нас это не самоцель – мы просто хотели взглянуть на работу данного алгоритма в понятийно-категориальной сфере. Может быть, наш опыт незатейливой онтологии *ab ovo*, исходящей из субъект-предикатной интуиции языка «среднеевропейского стандарта» и квазиантического оперирования пространственными дериватами, поможет увидеть нечто, как в первый раз, и удивиться увиденному, – с чего, как известно, и начинается философия.